

Мин Джун встретился взглядом с Дайки, который медленно приближался к нему, не отводя глаз ни на миг. Лишь подойдя ближе к кровати, тот на секунду задержал взгляд на Мин Джуне, а потом перевёл его на спящего Тому и мягко погладил того по голове.

— Почему не спишь? — негромко произнёс Дайки.

Воздух предрассветных часов был особенным — загадочным, а порой и обволакивающе чувственным. В этом странном, пьянящем настроении голос Дайки звучал для Мин Джунуа воплощением желания.

— Просто... не спалось, — пробормотал он. — Ещё дождь такой... пока шли, наверное, тяжело было...

— Поздно уже. Спи.

Холодным, почти бесстрастным тоном оборвав разговор, Дайки ушёл в свою комнату. Сказать, что Мин Джуну не было обидно, значило бы солгать, но всё же он решил довольствоваться одним лишь фактом — Дайки вернулся. После трёх долгих дней пустоты это уже было счастьем.

Но сон так и не пришёл. Лёжа на кровати, Мин Джун ощущал, как его тело становится всё горячее, хотя разум пытался держать ситуацию под контролем. Наконец он не выдержал и, поднявшись, тихо вышел из комнаты. Желание видеть Дайки оказалось сильнее страха и стыда.

Он остановился у двери его комнаты, стараясь успокоить дыхание. Протянул руку к двери — и вдруг она сама открылась. На пороге стоял Дайки, в одной лишь распахнутой на груди домашней накидке, с мокрыми от душа волосами.

Мин Джун поднял взгляд — прямой, не отступающий, полный желания. Он успел лишь протянуть руку к влажным прядям, как в следующее мгновение его резко и сильно притянули, так, что показалось — сломаются рёбра. И уже через секунду он, задыхаясь, целовался с Дайки, в его комнате, забыв обо всём.

Поцелуи Дайки были голодными, жадными. Мин Джун не пытался скрывать своего желания — и в этих поцелуях они будто пожирали друг друга. Дайки держал его за затылок, не давая отстраниться, безжалостно исследуя его рот. От их соединённых губ тянулись нити слюны, а хриплое дыхание Мин Джуну прерывалось тихими, сдавленными стонами, но Дайки лишь ещё сильнее прижимал его, впиваясь языком в его рот.

Когда наконец их губы разомкнулись, Дайки скользнул языком по его шее, затем прикусил мочку уха, а потом, горячо дыша в самое ухо, шёпотом сказал:

— Долг возвращаю. Не забудь рассчитать.

— Ты опоздал... Слишком поздно... Проценты набежали, — ответил дрожащим голосом Мин Джун.

— И что теперь?

— Отдай мне ещё один день... твой день...

— Жадный, — усмехнулся Дайки. — Но это ведь я нарушил обещание. Подумать можно.

И в тот же момент он поднял Мин Джуна на руки, бросил на кровать, одним движением сдёрнув с него штаны и бельё. От смущения Мин Джун попытался прикрыться руками, но Дайки лишь насмешливо спросил:

— Ты это специально, да?

— Что?.. Что именно?.. Разве нельзя стесняться?

— Прийти сюда и стесняться? Нет, так не пойдёт. Хочу, чтобы ты смотрел на меня.

Сбросив накидку, Дайки предстал перед ним нагим. Мин Джун не мог отвести взгляда — каждое мгновение его сознание заполняла лишь мысль о том, что он принадлежит этому мужчине.

Дальше всё смылось в вихре. Горячие руки, жадные поцелуи, тяжёлое дыхание, срывающиеся стоны и резкие движения. Дайки не оставлял ни секунды отдыха, будто стремясь доказать, что Мин Джун — его и только его. Мин Джун, дрожа всем телом, не сопротивлялся, позволяя ему всё глубже и глубже врываться в своё тело.

И где-то среди этой бури страсти он, срывающимся голосом, почти в отчаянии, прошептал:

— Дайки... Мне кажется... я... я люблю тебя.

Он понимал, что, может быть, это неправильно. Что, может быть, потом пожалеет. Но в тот момент знал одно: умрёт, если не скажет этого.

— Не говори таких слов. Я же сказал, не будь таким неотразимым.

— Я тебя люблю...

— Не будь таким неотразимым.

—...Люблю... тебя.

— Заткнись. Ты не справишься.

— Это не тебе решать. Я люблю тебя. Что бы ты ни говорил, я буду любить тебя... Ааах... Ай, больно.

Признание Мин Джуна лишь сильнее возбудило Дайки, который, не вынимая себя, перевернул его и тут же вошел в него. Мин Джун невольно принял позу, облегчающую проникновение, выгнув спину. Этот вид снова разозлил Дайки.

— Где ты такому научился?

Дайки впился зубами в шею Мин Джуна, изо всех сил кусая его. На рыдания Мин Джуна, жаловавшегося на боль, Дайки не мог остановить свою гневную страсть. Его безумно злило, что он не был первым для Мин Джуна. Он осознавал, что все это было противоречиво. Но это было лишь рациональное мышление, а Дайки был зол и не мог с этим смириться. Он начал бояться себя, того, что все больше не мог его отпустить. Однако слова, совершенно противоположные его мыслям, вырывались наружу.

— С этого момента не делай ничего, кроме того, чему научился у меня. Понял? Если еще раз покажешь эти вульгарные ужимки, я тебя не пощажу.

— Дайки... Это можно считать признанием?

Дайки так и не ответил. Он лишь сжал тело Мин Джуну в объятиях, словно пытаясь излить в него все свое существо, тяжело дыша и яростно двигая бедрами для последнего рывка.

Тело задрожало от вибрации, воздействующей на внутренние стенки, когда я отрегулировал интенсивность вибрации силиконовых шариков, доходящих тяжестью до низа живота. Мин Джун, уткнувшийся лицом в грудь Дайки, поднял свои влажные глаза и посмотрел на него. Дайки, которому велели купить только лосьон, но который принес целую коробку странных игрушек для взрослых, с довольным видом использовал их на Мин Джуну.

— Хватит... Уже ничего не осталось... Ммм.

Рука Дайки нежно провела по следу от укуса на щеке Мин Джуну. Прошло уже три дня, но след от укуса Дайки не исчез, а лишь сменил цвет с красного на сине-зеленый. Пока рука Дайки ласкала его щеку, Мин Джун открыл рот и выпалил на корейском:

— Ммм. Что, немножко извиняешься? Моя щека — не маринованная редька. Тебе нравится так грызть ее, проклятый похотливый повелитель демонов... Ах, пожалуйста, вынь это.

Рука, ласкавшая щеку, замерла услышав корейскую речь Мин Джуну, и спустя мгновение Дайки оттянул его щеку, будто растягивая лапшу, и выключил вибратор. Ощущение того, как он выходит, царапая внутренние стенки, заставило Мин Джуну извиваться и повиснуть на Дайки. Дайки уложил Мин Джуну на кровать, большим пальцем надавил на его неприлично возбужденный сосок и, вращая его, тихо проговорил:

— Что ты там лопочешь?

— Мммх... Хаа. Я сказал, что ты слишком сексуальный.

Не сумев перевести корейские слова дословно, Мин Джун солгал.

— Ты можешь пожалеть об этом, ты уверен? Даже если ты так говоришь.

— Уверен. Я уверен, так что пожалуйста, скорее. Ты мне нравишься больше, чем всякие игрушки.

Мин Джун погладил бедро Дайки. Это действие стало привычкой всякий раз, когда его охватывало желание. Когда он больше не мог терпеть и хотел, чтобы Дайки обнял его, Мин Джун гладил леопардовый принт и торопил его. Тогда Дайки делал глубокий вдох и входил в него глубоко. Не давая ни секунды передышки, он сразу же начинал двигать бедрами, заставляя Мин Джуну биться в наслаждении, но сегодня он намеренно игнорировал его торопливость.

— Если хочешь это, попроси вежливо.

Иногда он был нежен, когда делился любовью, иногда озорно дразнил, а иногда был так груб, что Мин Джун терял сознание, но сегодня он особенно придирился к Мин Джуну. Чувствуя

обиду и злость, Мин Джун снова закричал на корейском:

— Я не единственный такой. Ах ты, тигр с кошачьим носом!

Услышав последнее корейское слово, вырвавшееся у Мин Джуна, улыбка Дайки мгновенно исчезла, а глаза стали узкими.

— Мин Джун, что значит то, что ты только что сказал?

Показалось, что он спрашивает из чистого любопытства, но Мин Джун, решив, что это ему только кажется, обвил ногами поясницу Дайки, приподнял бедра и пококетничал.

— Это значит, что я хочу, чтобы ты меня обнял. Так что сделай это скорее.

Когда Мин Джун пылал желанием, все его тело становилось розовым и источало неотразимую чувственность. Было ли это колдовством? Даже непобедимый Дайки не мог больше сдерживать желание обладать им. Не знаю, виной ли были игрушки, но сегодня Мин Джун был более соблазнительным, чем обычно, покачивая бедрами и умоляя. Дайки искоса взглянул на игрушку, лежавшую на полу.

— Хм, и кто тут похотливый повелитель демонов? Как-то это бесит»

Мин Джуну показалось, что он только что услышал что-то очень двусмысленное, но когда горячий и толстый член Дайки одним движением вошел в него на место удаленных пальцев, его голова опустела, и он не мог думать ни о чем. Он лишь покачивал бедрами и издавал близкие к крикам стоны, погружаясь в наслаждение.

— Мама. Мама.

Мин Джун только что искупал Тому после детской гимнастики и убирал игрушку для водных игр — цыпленка, как Тома позвал его.

— Минутку, я сейчас приду.

Мин Джун поручил Кэнте доделать остальное и побежал к Томе. Можно было поручить такое Кэнте, но Мин Джун хотел лично делать все, что касалось Тома.

Войдя в комнату, Мин Джун замер на месте, словно наткнулся на айсберг в минус тысячу градусов. И он смотрел остолбеневшими, готовыми лопнуть от напряжения глазами на прозрачный лосьон, который Тома размазывал по своему лицу.

— Мама, пахнет клубникой. Это Тома? Можно есть?

Когда Тома потянул гель с большой картинкой клубники ко рту, Мин Джун наконец опомнился, молниеносно схватил и спрятал за спину. Тома, который с оживленным выражением лица тянул его ко рту, смотрел на Мин Джуна, одетого только в халат. Его лицо блестело, и от Тома сильно пахло клубникой.

— Э-это не еда.

— Хочу, клубнику. Тома будет есть.

Неизвестно, как Тома узнал и нашел лубрикант-гель, купленный Дайки несколько дней назад. Видя, как Тома, приняв его за лосьон, намазал им все тело и теперь устраивает истерику, требуя съесть его, Мин Джун не знал, что делать, а мог лишь топтаться на месте.

— Т-Тома. Это правда не еда. Мама попросит дядю Шоу принести клубничный торт. Наш Тома хороший, да?

— Правда? Ладно. Но мама, здесь чешется.

Внезапно Тома начал чесать лицо и все тело, нахмурился и вскоре разрыдался. Видимо, что-то из возбуждающих компонентов не подошло его коже. Мин Джун закричал, зовя Кэнта, и в душе ругал Дайки.

'Вот же сукин сын, попросил купить обычное, а он купил такую штуку'.

— Кэнта! Кэнта!

— Что случилось? О нет, господин Тома. Почему вы плачете?

— Беда, большая беда. Пожалуйста, снова ополосните Тому, только чтобы в глаза не попало. И... ну, вы поняли, чтобы туда тоже не попало. Ну что за позорище, а?

— А что вообще на Тому попало? — спросил Кэнта, наспех вытирая гель с халатика Тома.

Мин Джун тихо пробормотал:

— ...Люб... гель.

— Что? Не расслышал, Мин Джун-сама.

— Ну догадайся же. ЛЮБОВНЫЙ гель. Там на баночке клубничка нарисована, он, наверное, подумал, что это лосьон для лица.

— И как оно вообще туда попало? — выдохнул Кэнта, подхватывая Тому на руки и бегом неся в ванную.

Из ванной раздался пронзительный плач Тома, который никак не мог унять зуд. Мин Джун, кипя от стыда и злости, вытащил все флаконы с гелем, спрятанные в дальнем углу шкафа, и отнёс их в комнату Дайки, спрятав под его кровать. Разговор об этом ещё предстоял.

Когда он вернулся, у двери ванной уже стоял Сё, облокотившись на косяк с перекрещенными руками. Щетина на лице, длинные волосы кое-как собраны, а взгляд насмешливый. С Дайки он был не так близок, но в своей грубоватой манере выглядел не менее мужественно и привлекательно.

— Как так-то? — хмыкнул Сё. — Прятал бы получше.

— Я и прятал! — возмутился Мин Джун.

— Да все знают, что Тома на клубнику слюной захлёбывается. Кто ж в его шкафу такое держит?

— Я же говорю, спрятал подальше!

— Надо было Дайки напрямь — пусть чаще пользуется, глядишь, и закончилось бы быстрее. А то у вас там всё чересчур сладко, теперь вот сын страдает.

— Эй! — взвился Мин Джун.

— Ого, да у тебя голос — загляденье, — усмехнулся Сё.

— Мне и так плохо, вы ещё издеваетесь?!

— Да я не издеваюсь. Мне тоже паршиво. Глянь на лицо Тома — всё красное и распухшее.

Мин Джун подбежал к ванной, увидел распухшие щёки и шею сына и в отчаянии ударил себя кулаком по голове. Тома, заметив слёзы на глазах у мамы, сам разревелся. Ванная, облицованная плиткой, наполнилась двойным хором плача.

— Кэнта! — крикнул Сё.

— Да, босс.

— Звони Дайки. Пусть немедленно возвращается. У нас дома никогда тихо не бывает. Честно, даже странно: жили без него — было спокойнее. Хотя мне-то весело, а вам тяжело.

— Да я уже... смирился, — устало сказал Кэнта.

Через полчаса в дом влетел Дайки. Мин Джун, сдерживая ярость, прижал успокоившегося Тому к себе, намазал кремом припухшие места и в мыслях обрушил на отца ребёнка целый поток ругательств — вслух, конечно, не решился.

Когда Тома уснул, и Мин Джун осторожно выскользнул из постели, в дверь постучал Кэнта.

— Босс зовёт вас.

— Меня? Зачем? Где он?

— В кабинете.

— В кабинете?!

Лицо Мин Джуна побледнело. Уж сколько раз его туда вызывали — и ничего хорошего там не ждалось.

— Я... я ведь ничего плохого не делал в последнее время, правда? Может, он сюда придёт вместо того, чтобы я туда шёл?..

Кэнта посмотрел на него так, что стало ясно: шансов нет.

— Тогда... уберите хотя бы дробики с его стола...

— Вы серьёзно думаете, что это возможно? — мрачно спросил Кэнта.

Мин Джун обречённо покачал головой.

— Нет...

— Всё будет хорошо, Мин Джун-сама. Босс... —

— ...не трогает простых людей? —

— Нет, — мягко улыбнулся Кэнта. — Потому что вы для него особенный.

Слово «особенный» успокоило Мин Джун. «Ну да, мы же... близки. Он же не станет пугать меня дротиками».

С этой мыслью он пошёл за Кэнта в кабинет.

В кабинете на этот раз не было ни Рена, ни остальных. Только сам Дайки, с чуть расстёгнутыми манжетами, устало-опасный и почему-то невероятно притягательный. Мин Джун, переминаясь с ноги на ногу, ждал.

Дайки бросил запонки на стол и поднял взгляд.

— Хотел кое-что уточнить. Ничего на ум не приходит?

— Нет... я ведь ничего такого... — пробормотал Мин Джун, чувствуя, как взгляд Дайки прожигает его насквозь.

— Ладно, — холодно усмехнулся Дайки. — Тогда объясню. Ночью, когда ты спал в моих руках, ты заговорил во сне. И мне стало любопытно, что это значило.

— Я... во сне? — Мин Джун занервничал, вспоминая, что иногда бормочет во сне всякие глупости.

— Да. И я хочу знать, что это значило.

— Что... что именно я сказал?

— Мин Джун.

Дайки произнёс его имя на чистейшем корейском, и сердце Мин Джун дрогнуло.

— Что значит «ㅁㅁㅁㅁ»? (Проклятый ублюдок.)

Мин Джун замер, а потом резко отшатнулся.

— Я... Я это сказал?

— Да. «Дайки, ты, проклятый ублюдок!» — безупречным корейским продолжил Дайки.

— Подождите... Вы... вы говорите по-корейски?! — выдохнул Мин Джун.

— А ты думал? Я же сразу говорил — меня зовут Джо Дайки. Думаешь, в Японии есть фамилия Джо? Я — кореец. Точнее, кореец в третьем поколении.

Мин Джун в шоке переваривал услышанное. «Третье поколение — и так чисто говорит?!» И понял ужасное: всё, что он когда-либо говорил, все обидные слова, все признания — Дайки слышал и понимал.

— Так что? — спокойно спросил Дайки. — Что значит это слово?

— Это значит... что ты человек, которого и пять раз убей — мало будет, — процедил Мин Джун

сквозь зубы.

Дайки приподнял брови, а потом на губах появилась едва заметная усмешка.

— А «○○○○»? (тигр с кошачьим носом)

— Это... «самовольный, упрямый», — буркнул Мин Джун.

— Значит, для тебя я упрямец, которого хоть пять раз убей — всё равно будет мало? — с идеальным акцентом произнёс Дайки.

И Мин Джун, краснея от смущения и злости, понял: он влип окончательно.

Мин Джун сделал для себя вывод и уставился на Дайки, будто готовый прожечь его взглядом. В данный момент ему больше всего хотелось схватить дротик со стола и метнуть в Дайки. Ярость переполнила его, и, не сдержавшись, Мин Джун выпалил:

— Почему вы не сказали, что умеете говорить по-корейски? Вам, наверное, весело было слушать, как я ругаюсь и несу всякий бред? Даже Тома знал, а один я оставался в неведении. Уже три месяца прошло, как так можно? Я ухожу.

Высказав всё, что накопилось, Мин Джун не стал ждать ответа. Развернувшись, он зашагал к двери.

— Стой, — короткий и твёрдый голос Дайки прозвучал за спиной.

Мин Джун на мгновение замер, но тут же обернулся и, сверля Дайки злым взглядом, закричал по-корейски:

— Не командуй мной! Я сказал, что люблю тебя, но это не значит, что ты можешь делать со мной, что захочешь!

Едва он успел отвернуться, как сильная рука притянула его к себе, заключив в крепкие объятия. Мин Джун, кусая нижнюю губу и упрямо задирая подбородок, отвёл взгляд в сторону, избегая его глаз. Дайки бережно приподнял его лицо, заставив встретиться взглядом.

— Зачем так заводиться? У меня просто не было подходящего момента, чтобы сказать. У тебя нет причин злиться.

— Что, теперь и злиться мне только с вашего разрешения можно? Это мои чувства. Отпустите меня.

— Я же сказал, что не так всё, как ты думаешь.

В голосе Дайки сквозило раздражение, и Мин Джун, собрав все силы, резко оттолкнул его.

— Я тоже могу злиться на тебя! Так что перестань приказывать мне, ты, бестолковый! Вот так это слово и используют — «бестолковый», ясно?

С этими словами Мин Джун с силой захлопнул за собой дверь кабинета, будто та вот-вот слетит с петель.

— Чёрт, даже злой он до ужаса милый, — тихо пробормотал Дайки по-корейски. Но эти слова, словно запёртые железной дверью, так и не вышли наружу.

Через несколько дней, когда Дайки неожиданно вернулся домой пораньше и присоединился к ужину, Мин Джун почувствовал, как его сердце сжалось. Мысль о том, что Дайки всё это время понимал его родной язык, до сих пор вызывала у него шок. Оказалось, что любимый человек на треть кореец — и это было трудно уложить в голове. Больше всего бесило то, что Дайки имел множество возможностей заговорить с ним по-корейски, но предпочитал притворяться, что не понимает. Вспоминая, сколько бранных слов тот слышал и делал вид, что не понимает, Мин Джун злился ещё сильнее и вёл себя так, как не вел бы даже в подростковом возрасте.

— Мама, дай тунца, — попросил Тома, сморщив носик, когда снова не смог подцепить кусочек сашими вилкой.

Мин Джун ловко нарезал тунца на маленькие кусочки, слегка окунул их в соевый соус и положил на рис сына. Потом с нежностью наблюдал, как Тома, мило чавкая, с удовольствием ест. Конечно, он чувствовал тяжёлый взгляд, впившийся в него со стороны стола, но совершенно не обратил внимания.

— Дай ему самому поесть, — раздался холодный голос Дайки.

«Вот и началось. Я уж удивился, чего это он молчит. Без замечания никогда не обойдётся», — мрачно подумал Мин Джун, надув губы и демонстративно не отвечая.

Раньше он бы и подумать не мог так себя вести, но сейчас, когда злость кипела внутри, никакого страха перед Дайки не осталось. Зато люди из свиты, стоявшие в стороне, нервно сглатывали, не зная, чем всё это закончится.

Когда Мин Джун во второй раз нарезал тунца и положил его на рис Тома, кружка Дайки с глухим звуком опустилась на стол.

— Ты что, не слышишь?

— Он хочет есть, но у него не получается. Я просто помогаю.

— Если оставить его, он сам научится.

— Ага, конечно. Будто кто-то родился уже с палочками в руках, — огрызнулся Мин Джун.

Мин Джун почти неслышно пробормотал что-то себе под нос, потом повернул лицо вправо и твёрдо встретил колкий взгляд Дайки.

— В этом возрасте все нуждаются в помощи. Дайки, наверное, слишком стар, чтобы помнить, но когда я был в возрасте Тома, бабушка тоже всегда клала мне кусочки на рис. А теперь посмотрите — я ведь мастерски обращаюсь с палочками, не так ли?

Палочки в его руках эффектно провернулись и точно опустились в нужное место. В воздухе повисла напряжённость, и казалось, что в любую секунду кто-то может метнуть в него свои палочки. Но Дайки вдруг усмехнулся, приподняв уголки губ.

Мин Джун распахнул глаза, как кулак Тома, и поспешно отвёл взгляд, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться.

«Что это? Почему он улыбается? Лучше бы разозлился. Это пугает куда больше. И... чёрт, он такой... привлекательный.»

— Мин Джун, — раздался голос Дайки после короткой паузы. — Хватит дурачиться и ешь. А то я сам тебя съем.

До сознания смысл слов дошёл не сразу. И тут же лицо Мин Джуна запылало, как красный тунец, и он начал заикаться:

— Ч-что вы такое говорите? Здесь же Тома...

— А? Мама, и Тома тоже хочет, — радостно подхватил малыш, даже не понимая контекста.

— Что ты несёшь? — Мин Джуннахмурился. — Тома, я же говорил, что нельзя всё подряд «хотеть».

Тома обиженно надул щёки:

— Несправедливо! Папа — можно, а Томе — нельзя?

Мин Джунедва не выронил палочки. Он обнял расстроенного ребёнка, пытаясь успокоить, и метнул испепеляющий взгляд на Дайки. Тот же, словно ничего не случилось, лишь чуть приподнял бровь и снова принялся за еду.

— Томочка, не плачь, — твёрдо сказал Мин Джунпо-корейски. — Мама любит тебя больше всех на свете. Не смей никогда становиться таким же подлым человеком, как некоторые здесь. Я люблю тебя, наш малыш.

Резкий тон напугал ребёнка ещё сильнее, и Тома разрыдался. Он дёргал Мин Джуна за губы, жалуясь:

— Мама, ну почему... Почему ты опять говоришь, как папа... Я не понимаю...

— Прости, малыш, — спохватился Мин Джун. — Мама просто... очень сердился. Больше не будет.

— Правда? Ты больше так не будешь?

— Конечно. Мама никогда тебя не обманывает.

— Тогда... я хочу тунца, — тихо сказал Тома.

— Давай, поедим. Мама положит тебе столько, сколько ты захочешь, пока не наешься, — мягко сказал Мин Джун, украдкой зыркнув на Дайки.

Тот молчал, хмуро наблюдая за ними, но ничего не сказал.

Позже, когда Тома, в пижаме с пингвинами и лицом, перепачканным кремом, запрыгнул в комнату, Мин Джунчуть не лишился чувств.

— Тома! Я же говорил — совсем чуть-чуть крема! А если в глаза попадёт?

Он заботливо стёр почти весь крем с лица мальчика, остатки размазал по собственным рукам, а Тома захохотал, извиваясь.

— Щекотно!

— Сиди спокойно. В следующий раз приноси крем маме, понятно?

— Да! — весело ответил Тома и снова начал прыгать на кровати.

Мин Джун, украдкой бросая взгляды в сторону комнаты Дайки, молча готовил мальчика ко сну. После ужина тот не сказал ни слова, и это молчание только сильнее раздражало Мин Джуна.

— Тома, что будем читать?

— Собачкин!

— Мы же вчера это читали...

— Нравится!

Вздохнув, Мин Джун пошёл в библиотечку за книжкой. Но привычной книги на месте не оказалось.

— Где же она? Я ведь всегда ставлю сюда...

— Я же говорил — книги нужно возвращать на место, — раздался за спиной знакомый голос.

Мин Джуно обернулся и увидел Дайки с той самой книжкой в руках.

— Это случайность. Обычно я всегда ставлю их правильно.

— Плохое оправдание.

— Для вас всё, что я делаю, — недостаточно хорошее, да?

— Долго ещё будешь вот так?

Мин Джун хотел ответить, что «пока не услышит извинений», но Дайки вдруг шагнул ближе, и слова застряли в горле. Спина упёрлась в книжный шкаф.

— Мин Джун, — голос Дайки стал низким, — продолжишь дразнить меня — и моё терпение закончится.

Мин Джун хотел потребовать, чтобы он отступил, но тело предательски отзывалось на близость. А Дайки, уловив этот взгляд, потянулся к его лицу, приоткрыл плотно сжатые губы и мягко поцеловал, скользнув языком по зубам.

— Перестань злиться из-за ерунды. Сегодня ночью — в мою комнату, — прошептал он.

Слова ударили сильнее самого поцелуя. Мин Джун оттолкнул его и почти крикнул:

— «Ерунда»?! Да как вы можете так говорить? Мне нужна была хоть крошечная фраза с извинениями. Хоть какая-то. А вы... вы даже этого не сделали. Я любил человека, о котором почти ничего не знал. Разве это нормально?

— Не называй это любовью, — резко сказал Дайки. — Да, я хочу тебя. Хочу, чтобы никто другой не прикасался к тебе. Но это не любовь. И твоя «любовь» — это всего лишь желание.

Каждое слово обжигало, как лезвие. Мин Джун схватил книгу из его рук и выскочил в коридор, чувствуя, как дрожат пальцы. В груди жгло не только от боли и обиды, но и от нарастающего страха: а что, если он устанет от такого меня и просто выкинет?

<http://bllate.org/book/12398/1105536>